

Глава №1

Персонажи в ЛЮБЫХ сексуальных ситуациях - 18+.

"Переходит ли жизнь наяву в сон; или, может быть, наоборот?"

*

Что-то было не так. На самом деле, все было не так. Цветочный венок с изображением сцены Рождества - из книги Луки, конечно же, - который обычно висел над дверью дома, был заменен на венок из бесплодных серых веток.

В центре венка находилась звезда, на которой был изображен силуэт человека, наливающего жидкость из вазы, которая казалась странно маленькой для того огромного потока, который лился из нее.

Дэниел медленно положил руку на ручку двери и начал поворачивать. Она была не заперта. По его телу пробежал холодок, когда ледяной воздух ворвался в открытую дверь.

Темнота.

"Мама... Я дома".

Тишина.

Когда он шел по коридору, что-то привлекло его внимание. Прорвав завесу темноты, он увидел тусклый янтарный мазок света, слабо бросающийся на мрачные стены, ведущие к кухне.

Когда он наконец добрался до кухни, все выглядело по-другому, но в то же время так похоже. словно двойник любимого человека, знакомый, но незнакомый. Никаких следов ссоры между его матерью и так называемым парнем, но что-то должно было быть. Что-то, что дало бы ему достаточно подсказок, чтобы понять, что здесь произошло.

Он ненавидел этого сукина сына. Его мать всегда была такой доброй и приветливой, а этот кусок дерьма был холодной, самовлюбленной машиной насилия. Он оскорблял его мужское достоинство при каждом удобном случае. Однажды он потянулся за чем-то в холодильник и опрокинул несколько бутылок пива на пол. Он ударил его за это. Пиво все еще было хорошим, только немного пошатнулось. Как он мог получить свою идеальную маму?

"Противоположности притягиваются, наверное", - всегда думал он.

Дэниел продолжал вслепую пробираться через кухню, пока громко не ударился о темно-коричневое дерево семейного обеденного стола. Диссонансный звук отлетевшего металла и удара об пол разнесся по комнате, звеня в ушах.

Стол был накрыт на двоих.

Для равновесия он провел рукой по столешнице, пока не ударился о что-то твердое и холодное.

"Черт". Кровь потихоньку струилась из пореза на его руке.

Нож.

Это был разделочный нож, с рукояткой из слоновой кости, сделанный мастером еще до

гражданской войны. Его покойный отец оставил его ему перед отъездом. А может, он просто забыл его, когда уезжал из города, и мать сказала ему, чтобы у него было что оставить на память. Жест был сделан с добрыми намерениями, но все, что связывало Дэниела с отцом, усугубляло его чувства гнева и покинутости.

Он поднял его и вышел из кухни. По какой-то причине все двери в смежные комнаты были закрыты. Те, которые всегда были открыты. Дэниел чувствовал себя так тревожно и напуганно из-за такого поворота событий, но желание найти свою маму - или то, что от нее осталось - грызло его. Тишина тоже не помогала. Все это напомнило ему отрывок из Библии, где Мария Магдалина нашла пустую гробницу Иисуса после того, как его распяли римляне.

Огонь свечи становился все сильнее, пока он продолжал идти по дому. Тени и мерцающее пламя от тяжелого источника света отбрасывали жуткие тени на его лицо, но это не отвлекало его от работы.

Он слышал звуки чьих-то движений в одной из комнат наверху.

Дэниел подумал, не наблюдают ли они за ним из окна. Его сердце колотилось в груди, и ему было немного плохо, но, по крайней мере, прилив адреналина облегчил ему движение. Если бы они видели, как он приближается к дому, они бы уже вышли, надеялся он.

Он не хотел думать о том, что может случиться, если они поймают его здесь - или, что еще хуже, что они могут сделать с ним, когда поймают его. Он старался не заикливаться на этой мысли.

Обычно яркие и привычные обои в прихожей, испещренные библейскими мотивами, были выкрашены в холодный серый цвет, а при свете свечей по всему дому царил туманный и бездонный атмосфера. Семейных фотографий, которые когда-то украшали стены длинного коридора, нигде не было. Их заменили каракули сумасшедшего и какие-то странные символы, которые Дэниел не мог понять.

Когда Дэниел шел к сонному теплему свету, он мог поклясться, что слышал слабый шепот и безошибочное судорожное чувство, что за ним наблюдают. "Мама!?" снова неистово позвал он.

Сверху послышался шорох.

Дэниел изо всех сил пытался избавиться от своих чувств, пока добирался до гостиной. Это было очень большое помещение с высоким потолком и красивым дубовым полом, стены которого были уставлены книжными полками. Свет плясал по щелям и трещинам пространства, отбрасывая бесплотные тени, напоминающие множество темных горящих глаз, наблюдающих за ним.

Между местами, где стояла мебель гостиной, находился круг, образованный различными свечами. Все они были толстыми и одинаковыми по высоте. Между ними переплеталась та самая звезда с входной двери, но теперь она была странно перевернута вверх ногами и нарисована мелом.

"Где я видел это раньше?" задался он вопросом.

Погружаясь в свои мысли, он вспомнил старый фильм ужасов. Фильм, который его мама никогда бы не разрешила ему смотреть.

"Это... пентаграмма". Ходьба быстро перешла в бег, когда он отвернулся от тепла свечей и

направился из гостиной к лестнице. "Роберт не мог... он не мог... сделать этого".

Был ли это чистый инстинкт самосохранения, или, может быть, сознательная мысль о том, что тот, кто все это сделал, возможно, все еще здесь, - кто скажет? Но что было очевидно, так это то, что перед тем, как сделать этот инаугурационный шаг по лестнице, он остановился на месте и застыл, как труп на щуке.

Стон.

Очень легкий, очень чувственный стон.

"Что, блядь, происходит". Шок от этой мысли пронесся в его в этот момент захлебывающемся мозгу; и, не зная причины - если она вообще была - Дэниел начал медленно пробираться вверх.

На вершине лестницы ему вспомнился шепот, который он слышал ранее во время своих поисков; но эта мысль быстро ушла, когда его внимание снова переключилось на любимый дом детства. Теперь здесь как будто жили совсем другие люди. "Кто мог вломиться и сделать все это до того, как я вернусь домой?" задался он вопросом.

"Домой... откуда?"

Как ни старался, Дэниел не мог вспомнить ни одной части только что прошедшего дня. Его память была такой же нечеткой, как и свет, направляющий его.

Постепенно он начал понимать, что происходит.

Новый тусклый и слабый луч света обратился к Дэниелу. На этот раз он тонко светился по коридору и под самой последней дверью слева.

"Мамина комната".

Ни борьбы, ни бегства, ни адреналина, ни даже аритмичного толчка бьющегося сердца. Холод, как и окружавший его горный воздух. Он начал идти. Какие бы ужасы ни ждали его в спальне матери, будь то чудовище или падение в бездонную пустоту, именно это должно было освободить его от этого кошмара.

Хрустальный блеск дверной ручки его матери... как ни странно, исчез. На смену ему пришел гротескный розовый цвет, похожий на содранную плоть. С болезненным и пульсирующим движением. Шок от неосязаемого уже давно прошел для Дэниела. Более того, безумец начал чувствовать себя странно родным.

Когда он начал поворачивать влажную и мерзкую мерзость, прикрепленную к двери его матери, он не сразу понял, какое мерзкое, сатанинское чудовище поджидало его.

Это была... его мать.

Нож, который он нес, ударился об пол с такой силой, что высунулся из деревянного пола, как шальная стрела на средневековом поле боя.

Диана лежала обнаженная на кровати лицом к Дэниелу, ее руки подпирали кровать настолько, что из нее выглядывал маленький розовый сосок.

"Здравствуй, мой король". тихонько ворковала Диана, сидя на покрывале кровати в другой части комнаты. Неравновесие ситуации должно было остановить Дэниела, но, как ни странно...

он подошел к кровати.

Ее кожа сверкала, словно изображение ангела среди людей. Он никогда раньше не видел и даже не представлял ее такой; и этот новый опыт, нарушающий границы - или уничтожающий - начинал вызывать у него ощущение, что кто-то играет с ним, смеется над его страданиями и растерянностью в этом доме без конца.

Он едва мог говорить. "Не... ты... тоже, мама". Он изо всех сил пытался заглянуть ей в теплые, мягкие глаза.

Это было бесполезно, его глаза сканировали вверх и вниз ее сорокалетнее тело с гораздо большей интенсивностью, чем та, с которой он внимательно изучал окружающую обстановку, исследуя дом. Она... была... совершенно ангельской; неестественно привлекательной для того количества износа, которое должно было накопиться после двух детей. Ее тело не было стройным, но оно было настолько привлекательным, что его блуждающий взгляд быстро устремился дальше в ее запретную страну чудес.

Ее большие груди были впечатляющими, стройными и стояли идеально, с золотым крестом, уютно расположившимся между ними. На них сидели маленькие розовые соски, которые были жесткими и грубыми от морозного воздуха. Ее бедра были тонкими и гладкими в отличие от живота. Который был не таким стройным, но красивым сам по себе.

Дэниел почувствовал гортанный позыв заплакать - но обнаружил, что что-то еще вытекает - когда мир вокруг него начал ломаться, а его разум наконец-то оказался на краю пропасти полной мании. Он начал тяжело дышать ноздрями, а во рту появился кислый привкус, как будто его вот-вот вырвет.

В море его сознания всплыло воспоминание. Когда в детстве он заболел, его мать осталась дома, чтобы позаботиться о нем. Редкая роскошь для него, которая означала, что она потеряет деньги, деньги, в которых они отчаянно нуждались; но она сделала бы все для Дэниела. После целого дня рвоты от супа и имбирного эля, которые она ему подавала, он заснул в ее постели, положив голову на ее грудь.

<http://erolate.com/book/2990/70709>